

УДК [39(=174)+39(=511.113)](470.342-89-04)"19"

СПЕЦИФИКА ТРАДИЦИОННОГО УКЛАДА И ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА У ЛАТЫШЕЙ И ЭСТОНЦЕВ В СЕВЕРНОМ ВЯТСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В XX В

Трушкова И.Ю.

ФГБОУ ВПО «Вятский государственный университет, Россия, 610000, г. Киров, ул. Московская. д. 36 ; e-mail; kaf_vseob_istoria@vyatsu.ru.

В статье представлен анализ историко-бытовых и этнографических экспедиционных материалов автора в Опаринский район Кировской области в период с 1998 по 2011 гг. с привлечением архивных и музейных данных. С использованием историко-сравнительного метода, фотофиксации и «включенного наблюдения» проведены реконструкция элементов традиционного уклада «стольпинских переселенцев» - латышей и эстонцев из западных губерний Российской империи. Отмечены направления хозяйственной адаптации в досоциалистический, социалистический и пост-социалистический периоды. Выявлены закономерности воспроизведения традиций домостроения в условиях хуторов и их соединением в поселки. Отмечены черты системы питания и использования одежды, а также функционирования языка и в целом направления исторического развития на протяжении XX века. Установлены особенности этнической истории групп переселенцев из исходной территории в иную географическую и культурную среду.

Ключевые слова: аграрная реформа, хозяйственная адаптация, эстонцы и латыши

SPECIFICS OF THE TRADITIONAL LIFE AND HOUSE-BUILDING BY LATVIANS AND ESTONIANS IN NORTHERN VYATKA BOUNDARY DURING XX CENTURY

Trushkova I.Y.

GOU FGBVO "Vyatka State University", 610000, Kirov, str. Moscow, 36, e-mail kaf_vseob_istoria@vyatsu.ru;

The analysis of author's historian and ethnographic expeditionary materials in the in Oparino district of Kirov region since 1998 till 2011s with archive and museum data are presented in article. The reconstruction of traditional life elements of so-called "Stolypin's migrants" – the Latvians and the Estonians from west regions of Russian empire - is organized with using of historian-comparative method, the fotofixation and "included observations". The directions to economic adaptation in pre-socialist, socialist and post-socialist periods are noted. The regularities of the reproduction of homebuilding traditions in personal farms and in united villages are revealed. The characteristics of the feeding system and the using of the cloths, native languages and as a whole directions of the history development during XX century are noted. The specifics of ethnic history of the migrant groups from native territory to other geographical and cultural landscape are installed.

Keywords: agrarian reform, economic adaptation, Estonians and Latvians

Во введении к теме следует обозначить, что аграрные отношения в истории России на протяжении веков представляли непростую картину. В начале XX столетия начался специфичный период в истории крестьянства, связанный с реформой П.А. Столыпина. Согласно ей малоземельные и безземельные жители балтийских губерний переселялись в глубинные территории Российской империи. Данные явления изучаются многогранно при помощи анализа архивных, музейных источников, а также материалов экспедиций, в ходе которых собираются как воспоминания носителей культуры и их потомков, так и исторические материальные объекты, сохраняющиеся в так называемой «родной среде».

Поэтому целью исследования данной работы является проведение сбора и анализа историко-бытовых и этнографических экспедиционных материалов автора в Опаринский район Кировской области. Материалом для работы служат данные опросов, обмеров и явления «вещного мира», выявленные в экспедициях, причем в комплексе с источниками музейного и архивного характера. В работе используются историко-сравнительный метод, а также методы фотофиксации и «включенного наблюдения», на основе применения которых проведена реконструкция элементов традиционного уклада латышей и эстонцев. Во время работы Вятской археолого-этнографической экспедиции (ВАЭЭ) на протяжении ряда лет (1997, 2001, 2011 гг.) в Опаринском районе Кировской области были выявлены некоторые особенности сохранения традиционной культуры латышами в данной местности.

Известно, что крестьяне из Курляндской и Эстляндской губерний в начале XX века переселялись сюда в рамках аграрной реформы П.А. Столыпина. Причина переселения крылась в малоземелье и безземелье сельских жителей в западных краях Российской империи [4; Л. 1-1 об.]. Территория современного Опаринского района Кировской области в начале XX века входила в состав Никольского уезда Вологодской губернии. Здесь проходила построенная в 1899 году линия «Пермь-Котласской» железной дороги и была организована станция [5; Л. 24]. Именно сюда в вагонах, прозванных позднее «стольпинскими» и приезжали переселенцы. В такой вагон входило много – кроме членов семьи, домашняя утварь, предметы мебели, скот, сельхозинвентарь. Некоторые даже взяли с собой со своих прибалтийских хуторов рассаду кустов шиповника и т.п. [1; Л. 3]. На новом месте жительства крестьянам отводили участки земли и леса, причем в гораздо больших размерах, чем в более южных местностях - уездах той же Вятской губернии. Так, например, в Вятской губернии земельный надел был равен 5,2 десятинам, а переселенцам из западных губерний нарезались наделы в 9 десятин [3; С. 124; 5, Л. 35,36, 417]. Но это нельзя расценивать как этническое неравенство, это – результат оценки плодородия почв и учета суровости климата в северном вятском пограничье.

Экспедиционные данные свидетельствуют, что сначала, в первые годы, крестьяне из Латвии и Эстонии на новом месте жительства обрабатывали поле, следили за лугами, пастбищами и при этом строили временные жилища. А то и просто жили первый сезон в только что построенной бане. Зато, когда поле было возделано, и появлялась прибыль, они начинали строить основательные дома и хозяйственные постройки на хуторах [1; Л. 6.]. В 1920-е года хуторские хозяйства начали «трясти» из-за искусственного создания колхозов в этих северных краях. Жителей хуторов переселяли во вновь образованные селения. Так появились поселки с характерными названиями «Интернационал», где жили

в основном эстонцы, и в нескольких километрах от него - «Нацмен» (так называли после октября 1917 года национальные меньшинства), куда переселили латышей.

История латышского населения на протяжении XX века в этом северном вятском пограничье раскрывается на материалах, собранных ВАЭЭ. Например, показательны воспоминания старожилов. Лидия Гризлис, 1926 года рождения, вспоминает. «Я родилась в 1926 году. Латыш муж был, приехала сюда в 50-м году, и до сих пор живу. Более 100 годов домику-то. Сын в милиции работал, вышел на пенсию. Я мужа помоложе на 10 годов была. Какой он был муж? - Таких мужиков сейчас нет... Доче еще живут на Новом (название поселка – И.Т.). Тут (показывает рукой за пригорок – И. Т.) хутор был. Я ходила из Нацмена туда. Тут (показывает в другую сторону – И.Т.) Интернационал был, в нем-то никто не живет, все переехали в Молому, 8 километров.

За лесом все поля были, а потом все колхоз. Мужа у меня Мориц Августович звали, он уж 20 лет как умер. На войне ранен был в спину, руку хотели отнять. Его родители на хутор переехали, «Гризлис» - хутор назывался. Сын Виктор Морицович Гризлис живет в Опарино, работает в Белом доме. Мне дали квартиру в Кирове. Внуку отдала.

Хутор был 45 домов. В девках я в Шабурях жила, техничкой работала. Нас послали убирать сено, там и познакомились с мужем. Свадьбы не было, немного водки взяли, знакомых собрали и все. Он у меня по-латышски говорил, я-то не хотела, потому что русская. Все здесь одни латыши были, но по-русски говорили. Песни пели - то русские, то латышские, а праздники все больше латышские были.

Бабушка Миля у нас жила, умерла, когда 89 годов ей было.

Мы держали овец, поросят, корову, лошади стояли колхозные. Со свекровью не ругались, свекровь хорошо относилась ко мне. Она по-латышски и по-русски говорила.

У эстонцев клуб был, и здесь был клуб, через речку, там пекарня была и сельсовет на угоре. Когда колхозы закрыли, у нас все в Латвию уехали.

Дворы (хлевы) были, коров держали, овечек. Двор один стоял, а там (показывает – И.Ю.) баня. На угоре все дома были и все огороды были. За ягодами, грибами ходили. Платья носили ситцевы, да всяки. Сестра у моего мужа была - Гризлис Валентина, она здесь начальником была, уехала в Ригу после войны. Комсомолка была. Там их троих и убили. Наша Валя шла вечером с работы и ее прямо в грудь из автомата. И – на смерть. Они там не хотели советской власти. У него (у мужа – И.Т.) еще брат был, Роберт. Он на фронте был... Отмечали у нас Ильин день, латыши ходили на русские праздники. Рукоделием занимались, вышивали» [1; Л. 19 - 20]. Воспоминания конкретных людей восстанавливают историю повседневности латышского населения в северном вятском пограничье на протяжении XX века. Показательно, что в экономическом смысле

хуторские хозяйства в северном вятском пограничье согласно планам П.А. Столыпина «вышли на проектную мощность» к 1920-м годам. В рассматриваемом северном крае они достаточно полно адаптировались к новым природным условиям, и начинали обеспечивать продовольствием широкую округу [6; № 18]. Благодаря интенсивным методам в них развивалась продажа излишков на станции, отходничество, участие в железнодорожных работах и в будущем, во время НЭПа – торговля в собственных магазинах. Традиционный уклад продолжал воспроизводиться, не смотря на стойкое идеологическое, политическое влияние.

Показательны процессы, проходившие в быту, в домостроительстве. Особый интерес представляет дом Лидии Павловны Гризлис, построенный по латышской традиции. Судя по ее словам, он был построен еще при жизни на хуторе Гризлис, примерно до 1917 года. Позднее при переселении латышей с хуторов в колхозы и образовании вышеназванного поселка Нацмен, родители Мориса Августовича Гризлиса перевезли дом на новое место жительства. Метод «раскатывания» уже построенного дома при перемещении его на новое место был распространен у местных крестьян.

Внешний вид традиционного латышского дома характеризуется следующими параметрами. Срубное жилище из обтесанных, подквадратных бревен, сложенное «в обло», места стыков частично заткнуты мхом и частично - промазаны глиной. В наши дни, в виду сильной осадки, фундамента не видно. Крыша покрыта дранкой, ее форма отличается от типичной для данной местности, в частности – угол наклона скатов равен не 60 градусам, а 45. Длина дома по лицевой части – 5,40м, длина боковых стен – 8,60 м. Отсутствует оформление фронтона крыши. Расположение окон и двери – специфичное для данной местности, а именно – дверь находится сбоку и без характерного «тамбурного» помещения в собственно жилую часть строения. Вместо крыльца и «моста» / «сеней» имеется поздний пристрой. Это обстоятельство можно объяснить при сравнении с традиционными жилищами эстонцев в близлежащем поселке Интернационал, а также с традиционными жилищами латышей в этнографическом музее Латвии, близ г. Риги. Скорее всего, сохраняющаяся в Нацмене жилая конструкция воспроизводила лишь половину жилища. При этом между возможными сходными частями должно существовать некое переходное, тамбурное помещение, функционально сходное с северно-русскими «сенями» или «мостом». Тогда становится более понятным соотношение размеров стен рассматриваемого жилища.

Окна в доме в поселке Нацмен расположены на все четыре стороны жилища. Спереди - два окна, в левого бока – также – два, с задней стороны – одно и с правого бока

одно (в виду того, что часть стена занята дверным проемом.). Декор окон состоит из обструганных досок, покрашенных в светло-синий цвет. Показательно, что у окон имеются ставни, подвешенные в виде своеобразных дверок с одной стороны. Эта черта также не была свойственна автохтонному населению в XIX веке. Вероятно, ее можно объяснить тем, что в местной традиции ставни для окон были нужны только при использовании слюды или пузыря, а при появлении стекол утратили свою функцию. В западных губерниях Российской империи, в условиях морского и влажного климата ставни на окнах были необходимы и при использовании остекления.

В рассматриваемом доме в бывшем поселке Нацмен сохранилась печь особой конструкции, старинная мебель, деревянные кровати. Высота потолка - 187 см. Специфично, что потолок держится на 5 матицах, что не характерно для местных вариантов. Обращает не себя внимание конструкция печи. Даже при всех ее возможных перестройках и адаптированности к временным условиям в ней сохранилась сложная форма в плане и сравнительно низкая (на уровне стола) высота. Известно, что в северном вятском пограничье бытовали квадратной конструкции в плане и сравнительно высокие. Их верхняя поверхность чуть не доставала полатей и использовалась для сна. Отмеченное отличие также говорит о сохранении этнической специфики латышами, не смотря на переселении и адаптацию к местным и временным хозяйственным условиям.

Еще одно различие связано имеющейся дверкой в потолке в кухонной части жилища и приставленной к ней лестницей. Очевидно, из-за большей крутизны скатов крыши, чердачное помещение могло использоваться более часто, в том числе – в кухонных потребностях. Для сравнения – пространство между потолком и настилом крыши в северных русских избах использовалось для вещей длительного хранения, и вход в него осуществлялся с «моста» или из «сеней», а не из жилого пространства.

По воспоминаниям хозяйки дома восстанавливаются правила расположения мебели и использования разных секторов внутреннего пространства традиционного латышского дома. Так, например, места для спальни хозяев и их престарелой матери находились задней части жилища и разделялись перегородкой. К лицевой стене тяготели кухонное помещение и сектор хранения вещей. Около центра располагалась печь, и в центре оставалось пространство для переходов и коммуникации.

Такие важные предметы мебели, как столы, стояли около окон – у правой боковой стены, у ближнего к входной двери окна в кухонной части и стол вместе с комодом – около задней стены у перегородки между спальными зонами. Обращает на себя внимание

шкаф, построенный в «городском» стиле начала XX столетия и окрашенный коричневой краской в более позднее время. В экстерьере рассматриваемого латышского дома имеются некоторые указания на обрядность. Так, например, над входными дверями и в ближайших углах закреплены ветки сухого можжевельника, что можно рассматривать как некий оберег, который устанавливался в определенные календарные праздники.

Показательны схемы расположения хозяйственных и других построек на хуторах. Даже при переселении в одно поселение, начиная с 1920-х годов, все объекты «на усадьбе» строились с некоторым повторением их хуторской взаимосвязи.

Особенности системы питания связывались с наложением традиций с этнической родины на местные культуру и природно-климатические особенности. Так, например, дети и внуки первых переселенцев отмечают, что в рационе хуторян были также ржаной хлеб, мясо, молочные продукты, как и у местного населения; по сравнению с ними выходцы из балтийских земель больше садили и, следовательно, больше употребляли в пищу капусту. Некоторые обрабатывали для получения напитков ягоды шиповника. Вспоминаются даже сравнительно ранние посадки на хуторах земляники и клубники. Как русское и коми население, переселившиеся эстонцы и латыши собирали в лесу много ягод и грибов, но с той лишь разницей, что, например, клюкву, чаще, чем автохтонное население продавали на станции Опарино.

Традиционная одежда воспроизводилась на протяжении XX столетия с рядом особенностей. Больше этнических черт фиксировалось в одежде эстонцев. Старожилы вспоминают, что основу народного костюма составляли хлопчатобумажная или льняная рубашка, шерстяная юбка, фартук и множество вязаных из домашней шерсти изделий: пояса, жилетки, чулки, варежки и т.д. «Помню, бабушка все время вязала. Даже уже на петли не смотрела, казалось. Вот говорит с соседкой через огород, а сама вяжет. И что – ошибок не было, все было красиво и правильно связано.... петелька к петельке...». Домотканые шерстяные вещи поражают своим качеством, очень тонкой выработки, очень напоминают машинного производства ткань [1; Л. 12]. В целом, ярко выраженной традиционной одежды и этнических украшений у переселенцев не сохранилось. Как видно из ранних фотографий их одежда уже при отправлении с этнической родины и в начальные годы жительство включала в себя достаточно много «городских» вещей.

Эта приверженность к городской моде начала XX века запечатлелась в аккуратном оформлении в костюме прически, уровня воротника. Пояса и обуви. К остальным элементам костюма выдерживалось требование – «быть сшитым и носить аккуратно»,

«как городская интеллигенция» [1; Л. 5; 2]. Вероятно, поэтому данные черты без труда воспроизводились и на протяжении XX столетия, при проникновении «городских» явлений в местную крестьянскую среду.

Во второй половине XX века стало заметным разрушение традиционного уклада жизни переселенцев и их потомков. Но и в этом процессе фиксируется специфика – в ряде случаев, чтобы поддержать воспроизводство этничности и в связи с появившимися политическими возможностями некоторые семейства стали переезжать на постоянное место жительства в ставшими советскими Латвию и Эстонию. Однако при этом не все было однозначно – на этнической родине оставалось немного родни, хозяйственный уклад изменился, степень использования литературных языков увеличилась и сохраняемые «стольпинскими переселенцами» уникальные диалектные явления не просто вливались в общую коммуникацию [1; Л. 6]. Отмеченные факты подчеркивают особенности этнической истории рассматриваемых групп населения и выявляют некоторые закономерности динамики материальной и духовной культуры при миграциях.

Результаты исследования и их обсуждение сводятся к ряду положений. Традиционная культура переселившихся в начале XX в. в вологодско-вятское пограничье балтийских крестьян имела достаточно ресурсов для тиражирования на протяжении ряда десятилетий. Выявлены факторы, способствующие пролонгированию этнической истории (не смотря на политический, идеологический фактор), сохранению материальной и духовной культуры, а также ее стилизации. Все это подтверждается обсуждением данных проблем в региональных исторических сообществах.

В заключение следует отметить, что динамика хозяйственного уклада, домостроительство, быт, особенности костюмных комплексов демонстрируют степень воспроизводства этнической культуры «стольпинских переселенцев» в новых географических и временных условиях. Показательно, что сходство географического пояса, но с более суровым климатом, а также исторические коллизии, происходившие в течение 1910 – 1990-х годов, определили облик и степень резистентности этнической культуры латышей и эстонцев, переселившихся в северное вятское пограничье в начале XX столетия.

Список литературы:

1. Вятский этнографическо-археологический архив (ВАЭЭ) Ф.2, Д 18 (Опаринский район).
2. Фонды Кировского областного краеведческого музея, Опаринского районного краеведческого музея.

3. Очерки истории Вятского края // История и культура Вятского края. Т.1. – М – Киров: Академический проект – Константа, 2005. – С.3 – 294.

4 . РГИА, Ф. 396, Оп.5. Д. 1175,

5 . РГИА, Ф. 301, Оп. 2, Д. 272.

6. Трушкова И.Ю. Экономические причины и особенности переселений крестьян Эстляндской и Курляндской губерний в вологодско-вятское пограничье в начале XX в. // Общество, наука, инновации. Материалы Всероссийской научно-технической конференции 18-29 апр. 2011 г. г. Киров. – Киров: Изд-во ВятГУ, 2011. – электронный ресурс. Гуманитарный факультет. Секция «Этнокультурные процессы в странах и регионах». Статья № 18;

Рецензенты:

Загребин А.Е., д.и.н., профессор, директор Учреждения Российской академии наук Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, г. Ижевск

Черных А.В., д.и.н., профессор. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный педагогический университет» Министерство образования РФ, г. Пермь.